

Об исторической относительности понятий «молодость» и «старость»

В социологической, психологической, культурологической, социально-философской литературе XX века, особенно второй его половины, понятия из ряда «молодость», «молодежь», «проблемы молодежи» и т.п., отличаются повышенной частотностью употребления. «Молодежная» проблематика зачастую предстает как универсальная, равно значимая, так сказать, для всех времен и народов. Однако так ли это? Представляется, что проблемы «молодых» людей 22–23-летнего возраста, вступающих во «взрослую» жизнь по окончании школы и вуза, в исторической перспективе являются локально-стадиальным феноменом поздней индустриальной и ранней постиндустриальной цивилизации. Именно здесь и сейчас произошло совпадение тенденций физической акселерации и социального инфантилизма (или «пуерилизма», как называл это Й. Хейзинга, в то время как Х. Ортега-и-Гассет писал о наступлении «времен избалованного ребенка»¹), и не стоит считать, что все расширяющийся зазор между физическим взрослением и приобретением полноценного социального статуса является чем-то большим, чем одной из многочисленных аномалий поздней евроамериканской цивилизации.

Если мы обратимся к собственной российской истории, то можем констатировать, что традиционным возрастом зрелости был возраст 15-ти лет: именно по достижении пятнадцатилетия дворянский «новик» получал коня, саблю, поместье и мог отправляться на войну. Тем более это было характерно для непривилегированных сословий: к 14–15 годам крестьянский сын или дочь считались вполне взрослыми людьми, и не только считались, но и были ими, т.е. могли себя обеспечивать собственным трудом. Уже в возрасте 5 лет мальчик верхом на лошади гонял скот на водопой, в 6 лет девочка садилась за прялку, а с семи лет дети считались уже полноценными работниками и действительно работали в поле – боронили, возили навоз, убирали хлеба и пр. В 10 лет девочка выполняла уже все домашние работы, включая уход за скотом и присмотр за младшими детьми; у приписных крестьян 10-летние мальчики становились «годными работниками» и отправлялись отдельно от семей на отработки на рудники и заводы². В XVIII веке на казенных заводах работали дети с 12 лет, а на частных – и с 6 лет; платили им меньше, чем взрослым, что вызвало в 1763 г. особое разбирательство, результатом которого стало распоряжение считать малолетними лиц, не достигших 15-летнего возраста, а лица 15 лет и старше были официально отнесены к взрослым рабочим и должны были получать соответствующую заработную плату³. В Европе в XVIII в. ситуация была такой же: в Голландии, Швейцарии, Англии, Франции, Австрии, Пруссии в кустарных мастер-

ских, на заводах и фабриках работали дети 7, 6, 5 и даже 4 лет от роду; в Пруссии были мануфактуры, на которых работали исключительно дети, в Австрии детский рабочий день продолжался 13–14 и даже 16 часов⁴. Показателен и такой пример: из 85 работников в возрасте от 7 до 9 лет, поступивших на московские мануфактуры в первой четверти XVIII в., до этого занимался ремеслом 1, «разной работой» – 2, из 191 работника в возрасте 10–11 лет ремеслом занимался 1, разной работой – 13, из 317 работников от 12 до 14 лет был 1 ремесленник, 33 разнорабочих и даже 2 торговца: все это были люди, жившие без родителей и самостоятельно зарабатывавшие на жизнь⁵. Перепись бурлаков, проведенная в 1722 г. в Нижнем Новгороде, выявила 28 работников в возрасте от 7 до 10 лет, и 271 работника в возрасте 11–15 лет (из общего количества в 11 087 чел.); 7-летние дети работали кашеварами, а 12-летние уже тянули лямку вместе со старшими товарищами⁶.

«Взрослость» традиционно определялась (и определяется) не только способностью самостоятельно зарабатывать на жизнь, но и возможностью вступления в брак. Так вот, по основному кодексу регулировавшего семейно-брачные отношения в допетровской Руси церковного права – Кормчей книге, минимальным возрастом вступления в брак для жениха было 15 лет, для невесты – 13 лет, при этом возраст невесты по тому же каноническому праву мог быть снижен и до 12 лет. В «Стоглаве», в частности, говорилось: *«А венчали бы отрока пятнадцати лет, а отроковицу двенадцати лет по священным правилам»*⁷. 14-летние невесты никого не удивляли (в 14 лет уже рожали), так как бывали и 12-ти, и даже 11-летние невесты (например, Олеарий пишет: *«В этой деревне к нам привели мальчика 12-ти лет, который несколько перед тем женился; в подобный же брак в Твери вступила девочка в 11 лет»*⁸), а в удельные и еще более ранние времена – 8-ми и 5-летние⁹. Впрочем, подобное положение сохранялось не только в более ранние, но и в более поздние времена – так, в 1763 г. небезызвестный А.Т. Болотов сватался к 12-летней девочке, однако родители попросили подождать год, и он действительно подождал, но через год женился¹⁰; сенатские и синодские запреты венчать малолетних (восьмилетних и т.п.) издавались в 1774, 1779, 1781 гг., – значит, в этом была необходимость¹¹.

Надо сказать, что и «старость» наступала тогда столь же, по современным меркам, рано. 55-летний работник считал себя стариком, а 56-летних официальные ведомости рассматривали как «престарелых»¹². Та же ситуация была характерна и для верхов общества – в 1752 г. посланник в Австрии М.П. Бестужев в одном письме писал: *«я человек престарелый: родился я в 1689 году, и тако 63 год мне идет: лета немалые, более должно назвать престарелые»*¹³. Несколько десятилетий спустя, в 80-е гг. XVIII в., французский посол Л.-Ф. Сегюр в своих записках называл 50-летнего австрийского посланника принца де Линя *«стариком»*¹⁴; в «Письмах русского офицера» Ф.Н. Глинки, написанных в 1805–1815 гг., можно прочитать такую фразу: *«... один шестидесятилетний старик...»*¹⁵, – и т.д.

и т.п. Можно привести и ряд литературных примеров: в толстовской «Анне Карениной», где описываются события уже 70-х гг. XIX в., 34-летний Стива Облонский характеризует свою жену, «*бывшую только годом моложе его*», так: «*истощенная, состарившаяся, уже некрасивая женщина*» (что немудрено, так как Долли Облонская в свои тридцать три года была уже «*мать пяти живых и двух умерших детей*»). В другом месте брата Левина, Сергея Ивановича Кознышева, убеждают в том, что в нынешнее время «*только в России люди в пятьдесят лет считают себя стариками*», в то время как во Франции пятидесятилетний мужчина считает себя «*в расцвете лет*», а сорокалетний – «*молодым человеком*», – и т.д.¹⁶. Даже в таком позднем произведении, как «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова (этот написанный в 1927 г. бессмертный роман в данном аспекте представляет ничуть не меньший интерес, чем более серьезные сочинения), при описании свадьбы Остапа Бендера и вдовы Грицацуевой сообщается, что «*Молодая была уже не молода. Ей было не меньше тридцати пяти лет*», а 50-летняя Елена Станиславовна Боур и 52-летний Ипполит Матвеевич Воробьянинов именуется не иначе, как «*старик*» и «*старуха*»¹⁷.

Дело в том, что продолжительность жизни была тогда столь невысока, что перешагнувший через 50-летний рубеж человек мог считать себя счастличиком и, действительно, выглядел в глазах окружающих глубоким старцем. Во Франции XVIII в. продолжительность жизни составляла 25–27 лет, при этом, по разным оценкам, от 20 до 35% умирало в первый же год жизни, до 10 лет доживало 49–61%, до 25 лет – 42–55%, до 50 лет – 24–38%¹⁸. В России ситуация была отнюдь не лучше – Ломоносов считал, что из каждого поколения «*в три года умрет половина или еще по здешнему небрежению и больше*»¹⁹, Екатерина II в своем «Наказе» писала, что «*мужики большей частью имеют по двенадцати, по пятнадцати и до двадцати детей из одного супружества; однако редко и четвертая часть оных приходит в совершенный возраст*», а Петербургская духовная консистория в 1747 г. сообщала, что в пределах епархии из 3211 новорожденных мальчиков в течение первого года жизни умерло 968 (и это еще по очень неполным данным)²⁰. Можно привести такой пример – в одном из имений П.П. Шафирова, отписанных в 1723 г. «на государя», из 375 душ м.п. возраст от года до 10 лет имели 108 (28,8%), от 10 до 15 лет – 52 (13,9%), от 15 до 60 лет – 186 (49,6%), и от 60 до 90 лет – 29 (7,7%) чел.²¹: иными словами, лиц современного пенсионного возраста было всего 8%, а не от одной трети до половины населения, как это сегодня. В середине XIX в. средняя продолжительность жизни крестьянина определялась А.В. Терещенко в 33 года²²; даже в последней четверти XIX в. в России до 5-летнего возраста доживали 550 чел. из 1000 (в Западной Европе того времени – более 700²³).

Детская смертность была настолько повседневным, обыденным, прозаичным явлением, что даже в высших/образованных сословиях, не говоря уже о крестьянстве, не вызывала особых эмоций у окружающих – включая

родителей. В то же время родителям в этих условиях приходилось быть «родителями» в полном значении этого слова – вот пара лишь наиболее известных примеров: крестьянин Шуйского уезда Я. Курилов, согласно рапорту, поданному в 1754 г. в Московскую губернскую канцелярию, в свои 70 лет был отцом 72 детей – «... с первою женою 21 брюхо, в том числе 4 четверни, 7 тройни, 10 двойни, всего 57 человек, с другою женою 7 брюх, все по двойни, в том числе 1 тройня, итого 15 человек. Всех было 72 человека, а вышеписанный крестьянин Курилов, по известию, и ныне жив, лет ему 70»²⁴. У 75-летнего крестьянина Ф. Васильева на 1755 г. числилось 87 детей, «... из коих только четверо умерли, а все прочие здравствовали. С первой женой Ф. Васильев прижил 4 четверни, 7 тройни, 16 детей двойняшек, со второй женой – 2 тройни, 6 детей двойняшек»²⁵. Соответственно, первая жена Курилова рожала 21 раз, а первая жена Васильева – 27 раз; и это не было чем-то настолько из ряда вон выдающимся, как может показаться нам сегодня. Православная церковь назначала в наказание за попытку предупреждения беременности от 2 до 11 лет поста, а за аборт – от 5 до 15 лет²⁶; противозачаточные средства отсутствовали, поэтому женщина в течении всего репродуктивного возраста была перманентно беременной. Рожать по 10, 15, 20 раз не только в крестьянских, но и в дворянских семьях было не исключением, а нормой, и роды, почти что ежегодные, были событием из разряда самых обычных.

Конечно, в XX веке и в Европе, и в России демографический спад привел к доминации нуклеарной семьи с одним – двумя детьми. Это естественный процесс: через два-три поколения после ставшего следствием качественного улучшения условий жизни и здравоохранения демографического взрыва социальные ценности и стандарты изменились и началась депопуляция, – обычный спутник высокого уровня жизни. Частью этого процесса стало постоянное повышение внимания к проблемам молодости и старости, причем чем выше в данном обществе доля «старых», тем более значимыми выглядят проблемы «молодых». Это явление закономерное и неизбежное, однако все же не стоит придавать ему универсальное и инвариантное значение: стоя на реальной исторической почве, следует признать, что наша «молодежь» по большей части вполне зрелого возраста, а «молодежные» проблемы – это взрослые проблемы взрослых людей, которые должны решать их сами.

Литература

¹ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М., 1992. – С. 328; Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник. – М., 1991. – С. 123.

² Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX в. – М., 1991. – С. 110–118.

³ Черкасова А.С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. – М., 1985. – С. 139–140.

- ⁴ Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. Т. 2. – М.-Л., 1931. – С. 157–160.
- ⁵ Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. – М., 1953. – С. 446.
- ⁶ Голикова Н.Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. – М., 1965. – С. 67.
- ⁷ Рябцев Ю.С. Хрестоматия по истории русской культуры: Художественная жизнь и быт XI – XVII вв. – М., 1998. – С. 339.
- ⁸ Там же. – С. 340.
- ⁹ Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. – Л., 1982. – С. 18, 26, 84; Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. – М., 1978. – С. 213–214; Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – Новосибирск, 1992. – С. 49.
- ¹⁰ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. Том второй. 1760 – 1771. – М.-Л., 1931. – С. 252–294.
- ¹¹ Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века. – СПб, 1896. – С. 111.
- ¹² Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. – Л., 1974. – С. 195.
- ¹³ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XII. Т. 23–24. – М., 1964. – С. 132.
- ¹⁴ Россия XVIII века глазами иностранцев. – Л., 1989. – С. 395.
- ¹⁵ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. – М., 1990. – С. 342.
- ¹⁶ Толстой Л.Н. Анна Каренина. – Тула, 1970. – С. 5, 530.
- ¹⁷ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. – М., 1991. – С. 13, 88, 137–147.
- ¹⁸ Кулишер И.М. Указ. соч. – С. 8.
- ¹⁹ Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. – С. 83.
- ²⁰ Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Екатерининские орлы. – М., 1996. – С. 299.
- ²¹ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. – М., 1951. – С. 20.
- ²² Терещенко А.В. Быт русского народа. Ч. I–VI. – СПб, 1848. – С. 226.
- ²³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXVII. – СПб, 1899. – С. 99.
- ²⁴ Империя после Петра. 1725–1765. – М., 1998. – С. 300.
- ²⁵ Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. – С. 84–85.
- ²⁶ Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. – М., 1989. – С. 94, 148.